

Кокон

Всё началось с того...

...что я попросила маму купить киндер-сюрприз.

Она позвонила, когда ехала с работы и спросила: «Что там надо купить? Из продуктов?» «Ничего, - говорю. - Всё есть». «Всё-превсё?» «Ага» - говорю. А потом возьми и скажи – «киндер-сюрприз». Не знаю, что мне взбрело в голову. Если бы не этот киндер-сюрприз, мама вообще бы не пошла в магазин. Но она пошла и купила мне киндер. А ещё пластилин и глобус. Да. Прямо в супермаркете. Есть там такой книжный ларёк. Она пришла домой как обычно, ну, может, полчаса от её звонка прошло. И какая-то странная. С этим глобусом. Сразу, не раздеваясь, прошла в комнату. Только сапоги сбросила. Когда я расправилась с шоколадом и зашла к ней, мама методично обклеивала глобус шариками пластилина. Она отмечала все те места, где решила побывать. Так она сказала мне тогда. Собственно говоря, с этого момента, моя жизнь изменилась. Тогда я еще не знала ничего про Кокон, но Кокон уже вошел в нашу жизнь, потому что до её перехода оставались считанные дни.

... что бабушка решила покрасить полы в доме.

И мы отправились спать на сеновал. Вы когда-нибудь видели, как паук плетет свою паутину?

Я терпеть не могу пауков. Я их боюсь. А я вынуждена была лежать на сене и смотреть, как прямо надо мной, огромный крестовик плел свою паутину. Вы, наверное, думаете, что всё это ерунда. Не арахнофобия ерунда, а это – сеновал, откуда ему взяться, зачем идти спать на сеновал? По порядку. Тридцать лет назад, у меня была бабушка, у нее была корова, к корове прилагался сеновал, а краски для пола в то время были жутко вонючие, токсичные и долго сохнущие. Как-то так. Даже взрослые, пока закатывали валиком полы, умудрялись отравиться этими запахами, не говоря уже про детей. Не знаю, как это вышло, но он упал прямо на меня. Крестоносец. Я зажмурилась, заорала, понятное дело, вскочила, стала стряхивать его с себя. Я думала, мне это удалось. Рискую свалиться с лестницы, я сбежала вниз. Свежеокрашенный пол тогда еще долго хранил отпечатки моих ног. Я думала, он сбежал, но нет. Он затаился и сидел у меня в кармане. Ну да. В кармане. Не в пижамах же мы спали на сеновале, а в спортивных костюмах. Тогда бабушка списала всё на то, что я надышалась вредной краски. Но, на самом деле, тот крестоносец оказался самым обыкновенным проводником.

... что я увидел шоковый глаз.

Я тогда учился на пятом курсе мединститута, кажется, это была операция по пересадке роговицы. В контейнере плавало несколько глазных яблок. По мне, так они все были одинаковыми. Кроме одного.

«Шоковый глаз» - сообщил наш преподаватель. Имени его уже не помню. Помню, у него были очки с огромными линзами. И феноменальное спокойствие. «Этот человек увидел перед смертью что-то очень страшное», - сказал он тогда. Таким спокойным-спокойным голосом. Я до сих пор помню этот «плюх», с которым глаз, того, кто, якобы, был человеком, и увидел что-то страшное, упал в контейнер. Наш преподаватель выбрал другой глаз. Я смотрел не на ход операции. Я смотрел на тот глаз. Который он забраковал. Я не мог оторваться, помню, мне присесть предложили. Мол, лоб в испарине и вообще плохо выгляжу. Я же задавался вопросом: неужели они не видят того, что вижу я? Этот глаз не принадлежал человеку. А они не видели. Я уже тогда понял, чем буду заниматься. Много лет спустя, будучи уже довольно известным писателем, и не очень известным хирургом, я написал руководство по изучению вишиху. Эта книга и сейчас хранится в библиотеке Кокона.

...что я прочитал в газете про ребенка.

Мать не нашли. Она родила его недоношенным, в лесу, и, вероятно, бросила. Он там, по расчетам медиков, провёл два дня. Осенью. И выжил. Газета была старая, на растопку. В ветхом доме, который мы купили лишь для того, чтобы было, где летом собраться и порыбачить, этих, изъеденных мышами газет, было полно. Не могу сказать, что мне это удалось легко, но я нашел этого ребенка, то есть уже не ребенка. Мне было интересно понять, какой был смысл в этом рождении. И я понял. Я понял, что все мои знания (да какие там знания!), которыми я, с великим апломбом до этого момента гордился, все мои ученые степени и воззрения на устройства мира, подкрепленные самыми точными формулами, можно умножать на ноль. Мир предстал для меня совсем в другом обличье. Тот ребенок... Ну конечно, не просто выросший, состарившийся можно сказать, был моим предшественником. Я стал его приемником и одним из сотни, наша генерация уже готовилась к сбросу. Моим квидамом была подкова.

...что я услышал, как она сказала:

«Когда-нибудь, вы все будете гордиться, что учились с ним в одном классе». В тот момент, я уже знал, что мой брат один из этих проходимцев, и, что они те, которые возвращают всему баланс. Я даже знал, что Кокон выплюнул меня, не распробовал. Решил, что я ему не подхожу. Обидно? Да не то слово. Но все как-то перетерлось. Просто в том момент, когда она так сказала, у меня уже была идея создать свой собственный кокон. У меня даже были на примете несколько человек, связь с которыми была для меня всем. Знаете, человек ведь не обязан вам нравиться, верно? Какой человек? Да любой. Вон тот. По улице идет. И вы ему не обязаны. Вот вроде он нормальный парень, или девчонка там. Даже пусть родственник. Ладно. Родители, это понятно, их не выбирают. Они есть и точка. Нравятся и точка. Но есть люди, с которыми вы, вроде как, завязаны по жизни, а они – полное барахло. А есть те, с которыми вы не знакомы. Даже не так, не встретитесь никогда. Они про вас не знают. По идее, про них вы знаете тоже не много, даже меньше, чем про тройняшек этой актрисы. Ну, какой? Все их знают. Не важно. Короче говоря, представьте, что вы летите на Марс. Операция спасения человечества. И вам, именно вам, надо сделать список - кто полетит и всё такое. Вы позовёте свою тетю Клаву? Так то. Я вот знаю, кого бы я включил

в этот список. Это те люди, с которыми я себя связал, пусть даже они не догадываются об этом. Мир будет гибнуть, а тут такой я: прилетаю и всех на борт! Но я вообще про другое сейчас. Когда она так сказала, именно в тот момент, я и придумал свой «большой сбор» и, по сути, включил ее в списки тех, кто полетел бы на Марс по моей схеме.

... что я совершил убийство.

Улиток.

Мне было девять. Можете мне не верить, но я никогда до этого не видел таких огромных улиток. Как и грецких орехов. То есть орехи, я, понятное дело, видел. Я не видел, как они растут. Чтоб вот так, на дереве, а дерево во дворе дома. Высунул руку из окна и срываю. Мы уже должны были уезжать. То есть улетать. Я уже сам приходил с пляжа, родители знали, что я, вроде как, не мог потеряться. Но эти улитки, и ракушки... Мы отдыхали на одном из черноморских курортов. Там был лиман. Лиман и лиман, я даже не понимал, что это слово означает. Накануне шел дождь. Я вообще на море впервые был. И уезжать не хотел, это понятно. Нет, я не специально опоздал. Я очень хотел показать эти раковины Рите, а потом забрать домой. Я их собирал, я реально напугался, когда оторвал глаза от земли и увидел, что не узнаю местность. Нет, не ругались. Ну, может чуть-чуть. Они были счастливы, что я не утонул. Любой каприз. Улиток? А как же. Заберем. А мы их выселим. А как? А вот так.

Я смотрел, как они корчатся, выползая из своих раковин. Мне физически было... нет, не больно, а как-то сопричастно, что ли. Я тоже корчился, совал руки в таз и хотел, но уже не мог ничего изменить. Мама полила их кипятком.

На другой день мы узнали, что самолет, на который, мы не попали, загорелся. Из-за меня не попали. Или из-за меня загорелся? Я реально думал над этим. Все пассажиры погибли. Сгорели заживо. Я не мог есть. Не мог спать. Мама плакала и обнимала меня, говорила чего-то там. Как она меня любит и всё такое. Папа тоже. Чего-то там говорил. А мне было... стыдно, вот верное слово, что я не погиб вместе с остальными. Семья, с которой мы познакомились на пляже. Рита. Мы даже с одного города были. Только учились в разных школах. Я не стал забирать раковины домой. Я отнес их и похоронил. Тогда я впервые решил, нет, я почувствовал, как мы все, живущие, связаны друг с другом. И эта связь - она существует, незримая и непонятная, не всем доступная. Непонятная для тех, кто живет в ограниченном мире. Им его границы кажутся незыблемыми. Истины - непреложными. Измерения - изученными. В отличие от нас - безгранов.

Они, люди Огранки, те, кто про нас знают, зовут нас проходимцами. Звучит - так себе. Но мы такие и есть.

Мы можем проходить через границы. Мы - безграны. Наш мир Безграничье.

Каждый, проходящий к нам, наматывает на наш Кокон отрезки пути, которыми мы все можем пользоваться. Эти коридоры опутывают всю нашу планету. Если к нам

присоединится безгран, который откроет для нас путь на Марс, мы сможем жить и там. Мы сами формируем свой Кокон.

Наш Кокон – это место, где ты изучишь всё. Историю Безграничья, первых безгранов и владельцев квидамов, пройдешь их дорогами и оставишь для нас свою. Твой путь останется у нас, и этот путь - часть Кокона. Твой первый переход за Огранку - это наш Кокон. Ты сам часть Кокона. Как и все мы.

А это наша история.

Глава 1

Сагитта

Двери поезда угрожающе дёрнулись. В последнюю секунду Михалина занырнула в вагон. Свой гигантский рюкзак едва не оставила за дверьми. Протиснулась сквозь толпу. Саксофон занимал почти столько же места, сколько и она сама. С трудом, ей удалось развернуться.

- Я буду выходить, - успокоила она сердобольную тётушку, которая предложила взять её рюкзак на колени. Постаралась не смотреть на свое отражение в стекле. Это были жуткие очки. Новые треснули. Прямо перед выходом, пришлось надеть этот антиквариат.

«Октябрьская» - прозвучало в динамиках. «Следующая станция - площадь Победы». Дружный натиск толпы едва не припечатал её к закрытым дверям. Воздуха в легких не осталось. В голове помутнело. «Меня сейчас расплющит», - промелькнула острая, как игла мысль, но, в ту же секунду, натиск ослаб, и недовольный гул укатил в раскрытые, соседние двери. Михалина судорожно набрала ртом воздух. Показала закрытым дверям кулак, шутливо щёлкнула пальцами, призывая их раскрыться, и уже почти хотела двигаться к соседнему выходу, как двери разъехались.

Впереди – стена. Спин, рюкзаков, волос и шапок.

Пришлось смириться с плотной упаковкой эскалатора.

Лестницу преодолела, прыгая через две ступеньки.

В Макдональдсе выбрала место с видом на проспект. Телефон пристроила рядом с чизбургером. Последнюю главу “Делириума” проглатывала, обжигаясь горячим кофе, и изредка поглядывая на часы.

- Я видел, как ты это сделала.

Михалина поперхнулась.

Меньше всего ей сейчас хотелось с кем-то знакомиться. И дело было не в том, что она не сняла противную серую шапку. Хотя нет. Дело было именно в ней. И в дурацком помпоне. Розовом. И в маме, способной это купить! Просто нормальная шапка мистическим образом исчезла из ее поля зрения. За пятнадцать минут до школы! И еще в огромных очках,

потому что как раз сегодня, вдруг, напал какой-то конъюнктивит! Ерундовый. Он уже прошел к концу дня. Но мама просто отобрала линзы. И всё.

- Открыла двери, - подмигнул ей парень. - Глеб, - не давая ей опомниться, представился он. Михалина успела заметить его голубые глаза и красивую стрижку (эх, какая она всё-таки молодчина, что не сняла шапку!) и даже серьгу в левом ухе. Она знала, что парень с такими данными никогда бы не обратил на нее внимания в школе, кроме тех случаев, когда нужно было списать диктант по белорусскому, потому решила не расслабляться.

- Почему я не видел тебя раньше? - осведомился парень. Тон у него был самый будничней, словно Минск – это деревня на пять дворов, и видется здесь каждый день – пустяк. Глаза беспокойно блуждают по ее лицу, одежде, волосам. Остановились на косе. Перекинула на другое плечо и недовольно проговорила:

- Потому, что в городе почти два миллиона жителей.

Парень продемонстрировал (кто бы сомневался!) улыбку на миллион долларов.

- Я имею в виду школу. Только не говори, что ты оса, Генрих никогда бы со мной так не поступил. С утра за тобой водит.

Она с интересом, гораздо большим, чем хотелось бы, взглянула на Глеба. Маленькая, уютная гимназия, в которой она училась, располагалась в старом, спрятанном в тени каштанов районе Минска. Новостороек там не было. Дети пенсионеров, здесь обитавших, выросли. Гимназия была белорусскоязычная, здесь было всего по одному классу в параллели и все друг друга знали. Как она могла не заметить его раньше. А может он новенький? - Ты в X гимназии учишься? – с напускной небрежностью уточнила она.

- М-м-м... - глубокомысленно изрек Глеб и фамильярно подхватил ломтик жареной картошки. - Официально?

- А еще как можно? – недовольно придвинула к себе пакет с картошкой фри Михалина.

- Слушай, хорош прикидываться. Я за тобой в метро стоял. Ты меня чуть не убила своим рюкзаком. Как, кстати, тебя зовут?

- Та-а-ак, - она запихнула в рот половину вишневого пирожка. Это было похоже на какой-то дурацкий розыгрыш. Свои огромные очки задвинула на нос. Производить впечатление на этого красавчика она не собиралась. Хоть чего уж там. Просто не смогла бы. По крайней мере, не сегодня.

- Куда смотреть?

- Э-э-э... В смысле? – растерянно поинтересовался Глеб.

- Эти? – кивнула она на стайку ребят за соседним столиком. Еще и хохочут.

- Н-не понимаю.

- Кто б сомневался, - проворчала она. – У меня два варианта. Даже три. Тебе чего надо было? Познакомиться просто? Второй, - не давая ему сказать что-нибудь в ответ, продолжила Михалина - нас снимает скрытая камера. Она расправилась с пирожком и с шумом втянула латте из трубочки. - И третий – ты - псих. На обкуренного ты не похож, хоть, по сути, это было бы одно и то же.

Глаза у парня удивленно распахнулись.

- Но двери ... - проямлил он. – Я же их специально...

- Какие еще двери? – раздраженно отодвинула от себя поднос Михалина. – Всё. Удачи.

Она вытерла рот салфеткой, сунула телефон в карман, подхватила свой сакс и двинулась к выходу. У самой двери запахла пальто, нырнула в снуд и вышла под неприятный ноябрьский ветер.

Почти сразу перешла на бег. Рюкзак сдерживал. Нос спрятала в снуд, старалась не упускать из виду полоску чужих следов на уже привычном, ноябрьском снегу. До начала занятий каких-то пять минут. А до музыкалки и летом все десять шагать.

- Я бы, может, и поверил тебе, если бы не кот, - услышала она над ухом все тот же, слишком приятный голос.

- Какой ещё кот?!

Самое неприятное в капюшонах это то, что когда ты поворачиваешь голову, они – ни с места. Откинула капюшон и, сквозь запотевшее стекло очков, вновь увидела Глеба. Догнал и шёл рядом. В руках держал кота.

Кот был очень пушистый, рыжий, и, с самым развязным видом, смотрел на нее.

- Мяу.

- Терпеть не могу котов, - сообщила Михалина. Закинула обратно капюшон. - У меня на них аллергия. Она чихнула два раза подряд, чтобы подтвердить свои слова и наглый кот недовольно фыркнул.

- А еще на холод. Так что, если ты не против, я побегу дальше. Опаздываю. Она шмыгнула носом, и ускорила, попутно пошарив в кармане в поисках бумажного платка. Еще не хватало дополнить свой образ сморканием и чиханием. Откуда он добыл кота - думать не стала.

- Подожди. Тебя как зовут?

- Мишель, - кинула она через плечо. Сразу почувствовала себя принцессой. Ничто так не украшает человека, как необычное имя. Даже если к твоему красному носу примерзли очки размером с иллюминатор.

- Если что, встретимся в школе, - догнал ее окрик. - И это... осторожно там.

“Дурак” – обиделась она, а почему - и сама не поняла. За углом едва не столкнулась с каким-то типом. Успела заметить только его высокий, как в фильмах про шпионов воротник пальто и то, что он, неуклюже вскинув руки, вдруг исчез в арке.

Занятие не запомнила. На восьмерку не обиделась.

В автобусе ехала почти одна.

Дома, едва переступив порог, сразу побежала к аквариуму. Покормила рыб. Через стекло щелкнула по носу любопытного Петручио. Не уплыл. Вспомнила, как купила его в прошлом году. Ждать автобус было долго. Мороз под минус пятнадцать. Зашла в зоомагазин погреться и поглазеть на хомячков, и осталась рядом с рыбками. А вышла с пакетом. Ничего не знала про рыб. Даже не подозревала, что их можно принести домой в пластиковом мешке.

Игорь тогда покрутил пальцем у виска. Игорь это брат. Он нереально крут. В своем гипертрофированном воображении. В этом году он поступил на первый курс БНТУ. А ещё возомнил себя слишком взрослым и практически перестал с ней общаться. Разве что в виде исключения. Хуже всего было то, что он беспросветно влюбился в некую Катю. Судя по фоткам в инстаграме какая-то... Короче, пятьдесят фоток, посвящённых лишь её ногтям, говорили сами за себя.

Повесила сушиться мокрое пальто. Жуткий ноябрь. Никогда не любила этот месяц. И не только из-за погоды. Всегда какая-нибудь ерунда случается. Как с этими похоронами. Мельком взглянула на маму. Та вчера вернулась из Эстонии. Ездила на похороны. Очень странная вышла история. Она и отца-то своего толком не знала. У него была другая семья. Их с сестрой бабушка растила одна. А тут кто-то не поленился. Позвонил. И она поехала. Михалина в начале обрадовалась, что им с Костей не надо ехать. Похороны, вся эта жуть. И тут на тебе – их классный умер от инфаркта. Костик сказал – закон парных случаев. Они всем классом ходили. Только на каких-то полчаса. Зашли. Постояли. Глаза потеряли для видимости. Ксюша реально рыдала, а Надя не пошла. Ей стрессов надо избегать, у неё диабет. Тимофеев - идиот, даже не смог нормальное лицо сделать. Стоял с такой физиономией, словно ему улыбку сдерживать стоит невероятных усилий. Кирилл пакет с перцем взял. Всем предлагал насыпать на руку, чуть глаза потер такой рукой, и всё. В три ручья рыдаешь.

Мама изобразила улыбку. Значит всё терпимо.

Ужинать отказалась. Соврала, что хорошо поела в Макдональдсе. Поела – да. А вот хорошо или нет, это был совсем другой вопрос. Выслушала традиционные мамин нотации про канцерогенную, лишённую витаминов картошку фри и своё плохое зрение. Брезгливо покосилась на рыбу, щедро приправленную тушёной морковкой. Это она не могла съесть даже ради того, чтобы порадовать маму. Пока мама ставила сушиться её обувь, успела сбежать от нотаций и закрылась в ванной.

Открыла кран. Только вот мамины рассуждения про чудодейственный витамин А, морковку и полезную Аргентину не мог заглушить даже шум воды.

- Да ладно. Съем я ее, - пообещала через дверь. Долго возилась с заколкой, которая зачем-то запуталась в косе. Словно приросла. Пришлось вместе с клоком волос вырвать! Бросила ее на полку. Что за Аргентина не поняла. Потом сообразила, что так называется рыба. Не заметила, как полбутылки пенки влила в ванну. Закрыла глаза, с блаженным видом погрузилась в воду. Звук собственного дыхания усыплял, как всегда бывает, когда вода заполняет уши. И вдруг...

Это был лес.

Он искрился влажной зеленью и казался вырубленным в огромном куске изумруда.

Лес переходил в океан.

Он был подвижный, манящий и теплый.

Океан вливался в дом.

Белая змея неслась стремительно.

Лес смыкался за ней.

Океан расступался перед ней.

Дом появлялся на ее пути.

Хвост змеи вился в коридорах дома, изгибался и закручивался. Комнаты перемещались вслед за ним, извивались, наслаивались одна на другую, пока образовавшаяся воронка не поглотила дом, океан, лес. Змея нырнула в ее центр и все исчезло.

За окном что-то шандарахнуло, а потом раздался боевой котиный вой. Именно боевой. Противный такой. Когда коты дерутся между собой. Живя в частном доме, быстро учишься различать между собой все оттенки котиных воплей!

Села в ванне, откашливаясь и сплевывая воду.

Вода струями бежала по скользким дорожкам волос. Подняла лицо к малюсенькому окну. Не могла отделаться от ощущения, что за ней кто-то подглядывал.

- Мама! – заорала девочка. Софья Францевна, мама Михалины, безрезультатно покрутила ручку двери. – Вот зачем закрываться? – возмутилась она. - Когда уже мы успели так вырасти, что собственную мать стали стесняться? Что у тебя случилось?

- Мам, а откуда у нас этот ключ?

- Что ты там бормочешь? Ничего не слышу!

Михалина уже вытиралась. Она точно помнила, что с этой вещью, в которую она на днях втянула резинку и нацепила на косу, была связана какая-то история. А какая именно –

забыла. Она и бабушку начала забывать. Которая подарила когда-то ей, внучке, эту штучковину. Даже не так. Это был не совсем подарок. Это был их секрет. Её и бабушкин. Воспоминания колыхнулись где-то в горле. Сглотнула. Протерла зеркало. В полученный иероглиф с трудом вписалось ее лицо. Бабушки не стало давно. И случилось это лет восемь назад, когда Михалине было чуть больше пяти, а потому она успела забыть слишком много. Например, почему это был скрипичный ключ? Может, память пятилетнего ребенка и не самая надежная штука, но когда она совершенно бездумно рылась на чердаке в поисках старых, елочных игрушек и наткнулась на тот тайник, который они организовали с бабушкой, она долго не могла понять, почему в расколовшейся звезде лежал ключ. Смутно помнилось, что предмет который они спрятали, был другой, и подменить его никто не мог. Многолетняя пыль – индикатор неприкосновенности, слоями укутывала коробку в перемешку с паутиной и комками стекловаты. Но, так как дело было давно, все списала на забывчивость. Сейчас даже не понимала, как вещь, похожая на произведение ювелирного искусства попала к обычной женщине, учительнице, которой была ее бабушка. Но в детстве о таких вещах не задумываешься. Ключ это был или нет, его нужно было прятать. От всех. От того, что его надо прятать даже от мамы, и, само собой, от папы, бросало в дрожь. Но этот груз ответственности был ничтожным, по сравнению с тем, что прятать надо даже от брата, и всех остальных. А эта степень доверия подкупала. Ключ она спрятала так основательно и надежно, что когда позавчера нашла, чуть не расплакалась от нахлынувших чувств. Наспех замотала тюрбан наголове, завязала пояс халата. На полу целое болото. Ручка двери судорожно дергалась. - Михалина! Ты так и будешь меня под дверью держать?

- Ну сейчас! Схватила тряпку и принялась убирать воду с пола.

- Мам, ты помнишь, я такую заколку надевала сегодня?

- Которую? – насмешливо переспросила Софья Францевна. Мама Михалины вращалась в ремесленных кругах. Круг ее интересов был широк – начиная от вязания и заканчивая изготовлением украшений. А потому их дом напоминал пещеру Али-Бабы. Брошек, браслетов, заколок и сережек ручной работы – валяных, расшитых бисером и слепленных из полимерной глины, у Михалины было едва ли не несколько десятков.

- Да не ту, которую ты делала! Ту, которую я теперь вместо заколки ношу? Змейка, в виде ключа. Может ты утром не обратила внимания, но вы ее искали когда-то. Которая бабушкина.

За дверью вдруг стало подозрительно тихо, даже требовательно дергавшаяся, дверная ручка, вдруг замерла.

Бросила тряпку в таз, схватила с полки заколку, напялила очки и открыла дверь.

Софья Францевна стояла, прислонившись к стене. Даже сквозь запотевшие стекла очков отметила - мамино лицо номер “1”. Шкалу маминых лиц они с папой разработали давно. Номеру “1” соответствовала немедленная эвакуация.

Эвакуироваться не успела. Мамин взгляд сфокусировался на ключе. Как-то непроизвольно зажала его в кулаке. Кулак сунула в карман.

- Откуда у тебя эта вещь? Сказано это было тихо, с расстановкой.

Ох уж эти паузы, и широкие мамины зрачки. Ой-ёй-ей. Может, это работа Фаберже? Кто, кстати, он такой? Надо будет загуглить.

- От бабушки.

Прошмыгнула мимо мамы.

- Т-а-ак. Где ты ее нашла?

Вот зачем так стучать чашкой? Расколется ведь. Неодобрительно покосилась на расплывшееся по скатерти пятно от чая. Ничего себе. А у мамы руки дрожат.

- А я его не находила. Она мне его сама подарила. И сказала спрятать. Вот я и спрятала, а потом забыла про него. Слушай. Это было так давно! А что? Вид придала себе самый непринужденный. С деловитым видом принялась очищать мандарин. - Ой мама, да смени ты лицо! А то можно подумать, это ключ от сундука с фамильными бриллиантами! Ха. Их у бабушки точно не было! Голос выдает. Надо над этим поработать. Это ж мама – глаз алмаз. Слух – тоже. Алмаз? Не. Так не скажешь. Хороший, короче.

Мама закрыла лицо руками.

- О, Господи! Ты, все это время, его, получается, прятала?

Кислый мандарин. И косточки. Много, притом.

- Если бы ты знала, как мы его искали!!!

- Мама, я же не знала, что это так важно.

- Не знала она. А подумать не могла? Если взрослые что-нибудь делают...

- То сами виноваты.

- Та-ак!

- Мам? А ты не многого хочешь от пятилетнего ребенка? Нет? Я же объясняю, забыла я про него! За-бы-ла! Вот нашла случайно, а ты тут глаза закатываешь. Лучше скажи что за он?

Софья Францевна, ударом, способным рассечь небольшой арбуз, располовинила хурму.

- Так я и думала! Вот догадывалась же, что именно так и будет! А я ведь её просила! Не втягивать! Тебя! Во всё! Это! Хурма превратилась в салат. Михалина отодвинулась. И удивилась. Если не сказать больше.